01 2019

К новой политической экософии

Геральд Рауниг

Перевод: Ю. Томан и Леся Прокопенко

> Кажется необходимым, чтобы живые составляющие, существующие внутри каждого из этих движений, были организованы между собой и в связке с ассоциативным течением, что позволит подготовить перекомпоновку всего движения политической экологии. Это будущее движение должно быть плюралистичным и глубоко укоренённым в обществе, начиная с базисных и секторальных коллективов. [...] Только при условии коллективного «passage à l'acte»[*] во всех этих практических сферах экологические идеи могут стать чем-то помимо поверхностного мнения. Речь идёт о работе над появлением новой экологической демократии, синонимичной интеллекту, солидарности, сотрудничеству и этике ответственности. (Феликс Гваттари, «К новой экологической демократии», 1992)

Ввиду всё большего разочарования в социал-демократической политике Франсуа Миттерана в первой половине 80-х и вопреки своей дружбе с министром культуры Жаком Лангом, в 1985-м Феликс Гваттари становится членом французской партии Зелёных. До самой смерти, наступившей в августе 1992-го в результате сердечного приступа, он будет играть значимую роль в дискурсах экологической политики, пытаясь не только объединить различные фланги Зелёного движения, но и утвердить его

как полифоническое и диссенсусное. Именно на пике этого стремления в конце 80-х и появляется эссе, которое Гваттари изначально видел частью своей самой сложной книги *«Cartographies schizoanalytiques»*[1]. Но, по настоянию своего издателя Поля Вирильо, он публикует этот текст самостоятельно — и в 1989 году маленькая книжка «Три экологии» успешно выходит в свет.

«Три экологии» — это политический манифест конца десятилетия, которое сам Гваттари называет «годами зимы»[2]. В его трактовке данного периода прочитываются многие черты настоящего. И речь идёт не только о призраке Дональда Трампа, проскальзывающем в тексте Гваттари в качестве циничного спекулянта и джентрификатора, безудержно изгоняющего бедные слои населения из Манхэттена и других мест; в «Трёх экологиях» Гваттари также предсказывает обострение феномена религиозного фундаментализма, и то, как это разрабатывает взаимосвязь между технологическими трансформациями и новыми формами субъективизации. Кроме того, Гваттари выделяет — снова опережая своё время — вероятные побочные эффекты цифровой революции: «безработица, гнетущая маргинализация, одиночество, безделье, тревожность, невроз»[3]. Но наряду с психическими проблемами и личными ударами судьбы, которые и самому Гваттари пришлось переваривать, сквозь все поры социума сочится

общественная депрессия, выходящая далеко за пределы приватности. Сплав праворадикальных расистских движений — зарождающихся в разных европейских странах, в том числе и во Франции, под началом «одноглазого» Жана-Мари Ле Пена, — и авторитарных ужесточений, рестабилизирующих капитализм в период между 1968 и 1989, существенно затрудняет творческий процесс теоретика машинных потоков.

80-е были отмечены политическими репрессиями и расизмом, националистическими расколами, ускорением массмедиализации и экологическими катастрофами. И всё это на фоне, как называет это Гваттари, «интегрированного глобального капитализма». Спустя десять лет его назовут глобализацией, а сегодня я хотел бы, с отсылкой не в последнюю очередь к трудам Гваттари, предложить концепт машинного капитализма: машинная форма капитализма заключается не только во всеохватывающем применении алгоритмических логик и информационного преобразования «социальных» медиа и жизненного уклада, но, согласно Гваттари, это также двигатель автаркии и машинного порабощения. К различным способам социального порабощения относится и так называемое добровольное или даже желанное подчинение: желание стать частью, компонентом, деталью одной машины.

Как и сейчас, в то время противостоять субъективизации подчинения можно было не столько путём восстания против машин, сколько через новые формы альтернативной организации, институциализации и машинного производства желания. Но то, что Гваттари хотел сказать своими практиками вторжения и вовлечения в экологические движения и зарождающиеся партии Зелёных Европы, ни в коем случае не заключалось в институировании партии, специализирующейся исключительно на защите окружающей среды в узком понимании. Несмотря на то, что в 80-х Зелёные боролись за интеграцию естественных и традиционных, структурно реакционных элементов, и радикальных левых активистов и активисток, они вовсе не были столь аморфны и беззубы, как современные Зелёные. Для Гваттари речь всегда шла прежде всего о трансверсальном понимании экологического развития — но в то же время и об экологических катастрофах, которые он не анализирует ни изолированно, ни в качестве компонентов тотализирующей и унифицирующей перспективы, клонящейся к морализму и паранойе. В 80-х это прежде всего касалось ядерной катастрофы в Чернобыле, имевшей тяжелые последствия для Украины, Беларуси, России и большей части северного полушария. После катастрофы на японской атомной электростанции Фукусима в 2011 году политика атомной энергетики снова оказалась в центре экологического дискурса — но прежде

всего именно дискуссии об изменении климата показали, что сегодня спектр вопросов экологической политики требует трансверсального подхода. Экология в своём первоначальном смысле означает именно перспективу, которая фокусируется на сложном устройстве окружающей среды (*Umwelt*), но не в понимании её как чего-то внешнего, находящегося «вокруг мира» («*um die Welt*»), а как трансверсально проходящую сквозь миры.

Было бы неверно ограничивать работу Гваттари узкой трактовкой экологии в значении исключительно политики окружающей среды, не принимая во внимание экологические сферы субъективности и общественности. Вторую из трёх экологий можно описать как ментальную экологию, нацеленную на радикальное преобразование способов субъективизации. Ключевой проблемой здесь становится машинное подчинение, усиливающее «интроекцию репрессивной власти угнетёнными»[4], побороть которую возможно только с помощью новых форм инакомыслия и ресингуляризации. Именно профессиональный контекст Гваттари задаёт путь к лучшему пониманию этого требования: в психиатрической клинике La Borde у него была возможность на протяжении почти сорока лет исследовать, как взаимодействуют экзистенциальные территории и модусы субъективизации, если обращаться с безумием

иначе. В небольшом пале в Солони, как пишет Анн Керьен, «всего на 120-ти кушетках можно вылечить 2000 пациентов, тогда как для обычной психиатрической клиники требуется 2000 кушеток и соответствующий бюджет»[5]. La Borde — это лаборатория для мягкой детерриториализации структур субъективизации, которую Гваттари считает необходимой для развития ментальной экологии. Индивидуум никогда не возникает на переднем плане этих исследований как нечто завершённое — это всегда дивидуальные линии, проводимые нами и очерчивающие нас, проходящие сквозь нас. Вместо того, чтобы руководствоваться классическими представлениями индивидуальной психологии о человеческой психике, шизоанализ ментальной экологии возникает за рамками таких чётко определённых целых, как воплощенные сингулярности душ (*Animae*) и их фрагментарные связи с территориями и окружающей средой. И это выходит далеко за пределы открытых миров безумия — к примеру, в увлечении Гваттари японскими или бразильскими анимистическими субъективостями[6].

В-третьих, экология также затрагивает социум, социальные машины, потоки которых порой уносят нас, нередко сталкивая друг с другом. От соседствующих микросоциальных полей до крупных институциональных предприятий и транслокальных социальных движений — всё это

в социальной экологии будет определяться как среды (*Milieus*). Эти среды — рассеянные местности, окрестности, плавающая, движущая, текущая экология, несводимая к определённой ограниченной области. Это не только совокупность связующих нитей между индивидуумами в каком-то конкретном пространстве, но и гетерогенные механизмы «становления-животным, становления-растительным, космическим, так и становления-машинным, коррелирующего с акселерацией технологических и информационных революций»[7]. Такое понимание сред и социальной экологии не выносит за пределы социума ни механосферу, ни анимизм. Они скорее формируют комплексную территорию, характеризующуюся сходствами и этико-эстетическими парадигмами[8]. Ойкос социальной экологии больше не соответствует патриархально кодированному домашнему хозяйству и его двойнику, в той же степени патриархально кодированной экономике, напротив — теперь он развивается как экология заботы. Следуя феминистическим прочтениям социальной репродукции, эта направленная забота предполагает также этическое отношение к животным, вещам и машинам. Сегодня социальная экология находит своё проявление прежде всего в попытках разработать тесную связь между жилыми пространствами, архитектурой и общественностью с помощью движений

критического урбанизма, права на город, новых муниципалитетов и прочих подобных контекстов, чтобы сделать города пригодными для жизни и позволить развиваться экзистенциальным территориям.

Три экологии не являются строго разграниченными сферами, наоборот — они представляют собой трансверсальные пересечения между экосистемами, субъективизацией и социо-механосферой, или, как формулирует Гваттари, это три перспективы, три взаимозаменяемые призмы, сквозь которые мы можем рассматривать мир. Эти три формы экологического праксиса ни в коем случае нельзя обобщать, гомогенизировать или объединять какой-либо трансцендентностью. Термин Гваттари: гетерогенез. «Необходимо дать сингулярности, исключению, редкости сосуществовать с условиями наименее обременительного государственного порядка»[9].

Это расположение сингулярности в противовес аппаратам государства и сборов влияет на принятие работы Гваттари. В частности, Гваттари, которого зовут активистом и изобретателем машин, не может и не должен восприниматься так же, как его друзья Делёз и Фуко, чья воинствующая философия в определённых контекстах перетолковывалась как либерально-релятивистская или как «постмодернизм» — термин, который Гваттари

никогда не принимал[10]. Изобретателем Феликс Гваттари оставался неизменно, воссоздавая связи между социальными и концептуальными машинами — как институциональный аналитик, как активист институциональных практик и молекулярных революций, как основатель экософии в качестве «этико-политической артикуляции [...] в соответствии с тремя экологическими регистрами: регистром окружающей среды, социальных отношений и человеческой субъективности»[11]. И, как утверждается в последнем тексте Гваттари, процитированном выше, эта новая экософия должна породить «иной способ ведения политики»[12]. Нам же, родившимся позже, остаётся тестировать новые институции, конструировать машины, вслед за экософией Гваттари устремляться к множественным экологиям, чтобы с их помощью двигаться вперёд и подрывать подчинение машинному капитализму.

[1] Félix Guattari, Cartographies schizoanalytiques, Paris : Galilée 1989.

[2] Félix Guattari, Les années d'hiver: 1980–1985, Paris: Balland 1986; Neuauflage Paris: Les prairies ordinaires 2009.

[3] Гваттари, Феликс, «Три экологии».

[4] Гваттари, Феликс, «Три экологии».

[5] Anne Querrien, «Von der Architektur für die Psychiatrie zur Ökologie der Stadt. Ein Ensemble von Aktionsforschungen inspiriert von Félix Guattari», в: Isabell Lorey, Roberto Nigro, Gerald Raunig (Hg.), Inventionen 2, Zürich: Diaphanes 2012, 98-113, здесь: 98.

[6] См. искусствоведческое исследование Ангелы Мелитопулос и Маурицио Лаззарато: Assemblages, Déconnage и The Life of Particles.

[7] Гваттари, Феликс, «Три экологии».

[8] См. подробное исследование этико-эстетических парадигм в последней книге Феликса Гваттари Chaosmose, Paris: Galilée, 1992.

[9] Гваттари, Феликс, «Три экологии».

[10] См. например Félix Guattari, «L'impasse post-moderne», в: La Quinzaine littéraire 456 (Feb. 1986), 20f.

[11] Гваттари, Феликс, «Три экологии».

[12] Félix Guattari, «Vers une nouvelle démocratie écologique», http://www.multitudes.net/Vers-une-nouvelle-democratie/

[*] *Passage à l'acte* — в психоанализе: отыгрывание, импульсивное приведение в действие, воплощение, *acting out*. (Прим. пер.)